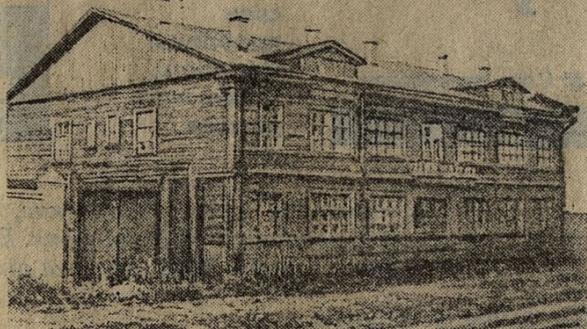

Дом Солженицына

Комп. правда - 1993 - 10 июня - с. 2

Дом строится сейчас в Подмоскowie, куда писатель переедет из Америки. У него был барак в ГУЛАГе, флигель в Рязани, два дома в Вермонте... Но самый дорогой дом — в его душе.

КОГДА в прошлом году продавцы и перекупщики подмосковных дач приятно менялись в лице, узнавая, кто у них потенциальный покупатель («Да вы что! Неужели сам Солженицын?!»), первоначально назначенная цена, вместо ожидаемого резкого снижения (если верить газетам: «Александр Исаевич, возвращайтесь! Вся Россия вас ждет!»), тотчас взлетала до уровня непотребного. И как это было понять: то ли продавцы не относят себя к России, то ли та Россия, которая действительно искренне ждет, собственностью под Москвой уже не владеет?..

Словом, чтобы помочь найти какой-то выход, мы с одним знакомым предпринимателем разработали схему: он покупает дом с землей на свою фирму, а потом, по той же цене, перепродает будущим хозяевам. (Не знаю, воспользовались ли Наталья Дмитриевна Солженицына такой схемой в этом году, — возможно, нет, и дай-то бог; во всяком случае земля приобретена, и дом строится).

Если это, однако, не утешает некоторых нынешних ворчащих («Смотри-ка, его, как Горького с Капри, всем государством встречают: тут ему и дом в Подмоскowie, и квартира в Москве!»), я еще несколько фактов приведу. Мне рассказывали: нынешние демократические московские власти (а многие и в демократию-то пришли чернильным путем — написали вовремя заявление о выходе из КПСС) проявили образцово цивилизованный плюрализм «по вопросу возвращения квартиры А. И. Солженицына». Говорят, по крайней мере 20 принципиальных человек голосовали против возвращения.

Вот так, Сталину (хоть бы и для его дурных целей) Горький был очень нужен. Нынешним правителям «не нужен никто. (Разумеется, кроме них, любимых). Не только Солженицын. Рассказывают: Владимиру Войновичу пришлось Горбачева обмануть, будто он возмает советское гражданство, — и тогда только писателю квартиру вернули. У Владимира Максимова, когда он был выслан, отняли две квартиры (его и жены). Ему теперь говорят: а вы похлопочите! Надо вам завести постоянного представителя по этому вопросу! Или просто купите, а мы вам без очереди продадим. (Надо видеть лицо Максимова и слышать, что он по этому поводу говорит...). Юрий Мамлеев, чтобы получить квартиру на московской окраине, похоже, ноги стел до колен, таскался со своим обильным от документов портфелем по нынешним столоначальникам.

Так что давайте без ворчанья и иллюзий. Горькому — да, государство готовило «дворец в Москве, именно в Подмоскowie», пока он плыл с острова Капри на родину. И это еще в Польше или Чехословакии встречают эмигрантов не только букетом цветов, но и возвращением поместий. У нас же, как издавна заведено, — хоть коммунизм, хоть демократия на дворе: и уважаемым во всем мире людям надобно мертвой хваткой цепляться, чтобы вырвать положенные квадратные метры.

Сразу скажу: Солженицыны этого делать не будут. По части дома в Подмоскowie все государственные варианты категорически отклонены. (А говорят, предлагали: Солженицыну, дочке зятя Брежневца, Чурбанова. Для чего?) Дом строится НА СВОИ деньги. Дом будет не зависимым ни от каких правительств, ни от каких режимов.

Дом Солженицына — частное дело Солженицына. А ВООБЩЕ, похоже, у него, лагерника, никогда не было на родине собственной нормальной квартиры. Даже последняя, московская, откуда выслали на Запад, и та на жену. А до того несколько лет в Рязани.

Никогда-то он не был и, кажется, не станет уже столичным жителем, москвичом. Нобелевский лауреат из глубинки, из провинциальной России. (И это в психологии уже. В знаменитой своей статье «Как нам обустроить Россию?» он принялся было по старой памяти горячо ругать и новую московскую власть за лучшее, чем в провинции, снабжение. Но это было действительно по старой памяти, и автор эти строки безоговорочно снял: новые власти, пообещав России улучшить жизнь, просто взяли Москву и уронили, ниже провинции опустив — вот так и разрешилась давнишняя зависть к москвичам).

А первый дом — после студенческих общежитий, фронтных окопов, лагерных барачков и шараши — был у него такой: «На следующий день нам разрешают уйти на частные квартиры. По своим средствам я нахожу себе домик-курятник с единственным подслеповатым окошком и такой низенькой, что даже посредине, где крыша поднимается выше всего, я не могу выпрямиться в рост. «Мне бы избену пониже...» — когда в тюрьме писал я мечтательно о ссылке. Но все-таки мало приятно, что головы нельзя поднять. Зато отдельный домик!

Пол — земляной, на него — лагерьную телогрейку, вот и постель! Но тут же ссыльный... одоляет мне пару досчатых ящиков, на которых устроившись с комфортом. Парасюковой лампы у меня еще нет (ничего нет, каждую нужную вещь придется выбрать и купить, как будто ты на земле впервые). — но я даже не жалею, что нет лампы. В те годы в камерах и бараках резал души казенный свет, а теперь я блаженствую в темноте. И темнота может стать элементом свободы!»

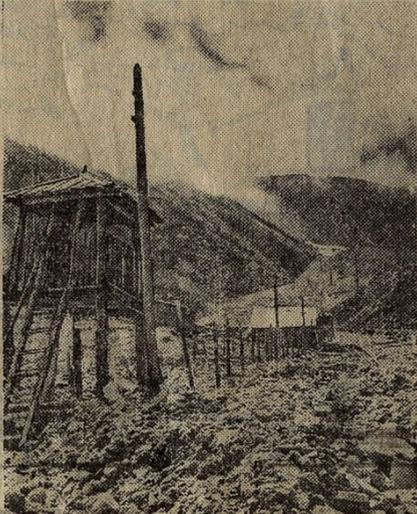
А вот еще одно описание, для сравнения: «Было ясное июньское воскресенье, когда (он) напившись кофию... с записной книжкой и пачкой аспиринаций в кармане своего легионного пальто, вышел из большого, с колоннадами и террасами деревенского дома и по нечищеному, заросшим дорожкам старого английского сада направился к селу». (выделено мной. — А. А.).

Нет, это уже не Солженицын, это Толстой описывает...

Считается, что родина, дом, особенно родной, оставляет глубокий отпечаток на мироощущении писателя, даже на его поведении и характере. Соинжен-

му, кажется, тщательно скрываемый замысел: не только мучителей обличить, не агитку против коммунизма слепить (и всего-то), но показать, что это не каторга есть скорбная частичка России и мира, а сама Россия и весь мир — лишь часть громады ГУЛАГА.

Россия, с ее наказанными народами, раскассированными классами, растоптанными партиями, переломанными судьбами, да и весь мир (здесь есть даже свои принцы, иностранные министры, фашисты и антифашисты, коммунисты и бандеровцы и т. д. и т. п.). Нестройными, шатающимися интернациональными колоннами втягиваются, жадно всасываются они ГУЛАГОм, который размещает их, развешивает, как на крючках, на своих территориях, на мрачных островах Архипелага, каждого на своей жердочке, на своих нарах... Так же жадно втягивает, всасывает, объясняет по своим гулажым

не в ярости мужиками поместье под Старой Руссой, залитый кровью ими же отец-помещик; каторга с ее мандальными нравами, наемные квартиры в сыром Петербурге — кто это? Узнается: Достоевский. Ясное воскресное утро, большой ясный дом, с белыми колоннами — это Толстой времен написания «Детства». И другой Толстой, периода «Власти тьмы», «Воскресения», поисков истины: приземистый домик начальнической станции Астапово, давшего последний приют, рядом чугунные тяжкие рельсы, каменный низкий вокзал, а в самом домике тесная и темноватая комната с большой, последней, смертной постелью; из немногих вещей в комнате — большой горшок под кроватью и Библия на столике; и последняя репортерская телеграмма, нервно отстучанная станционным телеграфистом: «Руки, написавшие «Войну и мир», сложены на груди...»

Дом — это мир, это Вселенная, так ведь считается? Где этот дом-вселенная Солженицына, откуда он начинается, где его корни? Где «его клочок земли величиной с почтовую марку», его дважды ненавистная и трижды любимая Йокнапатофа, которая бы, как у Фолкнера, выросла — по значению, по шуму и ярости — до размеров целой Земли?

Может быть, это дом дедушки в Ставрополе (помните разоблачительные снимки в «Литгазете» — легковой дореволюционный автомобиль на фоне дома — ага, понятно: Солженицын-то, оказывается, не из простых, из богатеньких, во-о-он откуда все тянется?) Или дом (точнее, два дома) в отдаленном американском штате Вермонт, — но там он оказался поневоле?..

А ПОТОМ меня как поразило — да вот же его родина! «И только на пороге лагерной вахты начинаешь ощущать, что каторгу-родину (выделено мной. — А. А.) покидаешь за плечами. Ты родился духовно здесь, и сокровенная часть души остается здесь навсегда...»

И ведь не поэтическая метафора. Это буквально.

А эта родина, этот дом родной имели и другие названия: зона; шарашка; КаЗЭКстан; ссылка... Это и есть его ненавистная и любимая Йокнапатофа. Его Война и мир. Шум и ярость. Его мировая философия, которой он пытался охватить и объяснить и весь остальной мир. И все его книги — не только «20 тысяч верст вокруг себя», как у Толстого. А 20 тысяч верст — кропотливых, с вниманием и любовью — мучительной экскурсии по черной планете ГУЛАГ. Это даже не существование, а аду, беспощадная жизнь в Круге первом: В раковом норпусе: на Архипелаге. Это ПОКРЕСТЬЯНСКИ ОБИЖИТОЙ АД — поскольку здесь надолго, навсегда. И не потому только, что виделося и не стоило тогда зрелищ надежд. А потому что и сейчас выхода НЕ ВИДНО — эта планета сама, достаточно: самое терпкое, низкое, вдохновенное, самое подлое, героическое и страдающее — все здесь.

И, без преувеличения, титанический до гордыни и пото-

законам Россию и мир — сама эта монументальная книга. Страшно сказать, но Солженицын, я уверен, не только ненавидит, Солженицын любит ГУЛАГ — так любит родину, которую не выбирают.

И потому он так ревнив к покидающим эту родину. С внутренним одобрением говорит о тех, кто родину не забыл, кто ее в сердце держит: «...выходя на волю, плачу. О чем?.. Нинюда я этих людей не увижу, не получу от них никакой весточки. ТОЧНО НА ТОТ СВЕТ УШЛА...»

Мы должны вдуматься в это потрясение. Каторга — этот свет. Воля — тот свет. Какая же горькая глубина тогда в старых невеселых шутках открывается: «Тюрьма по нему плачет»; «Тюрьма ему мать родная и дом родной»...

Фрэнк Диклер из Бразилии пишет Солженицыну, что и там и уже через 30 лет «у него еще бывают лагерные кошмары — он все еще просит у начальника... отпустить его из Заполярья».

ГУЛАГ душит их любовными объятиями, не отпускает. ГУЛАГ просторный — со своей Бразилией и своим Заполярьем внутри...

А вот Солженицын говорит с осуждением о тех, кто родину забыл: «А мужу попойному я ПРО ЭТО так и не рассказывала. ЗАБЫЛА». «Забыва? — вскрипает писатель. — Самому близкому человеку, с которым жизнь прожила? Так мало нас еще сажают!!»

Сурово? Да. Но ведь родину забывать нельзя?..

СОЛЖЕНИЦЫН ВОЗВРАЩАЕТСЯ на родину. И мы, кажется, уже знаем, куда он идет и идет, возвращается всю жизнь...

Стоило бы, наверное, описать, как идет строительство в Подмоскowie. Сколько лесу, железа пошло, сколько кирпича завезли и по каким ценам берут строители?

Но не буду. Потому что дом — не в кирпиче. Дом в душе.

Солженицын возвращается. Не в Москву — в Россию. В свой народ. Вот его народ. Вот его Россия. Вот его дом: «Домик стоял на самом восточном краю поселка. За каменной стеной, и каждое утро восход. Стоило венуть ветерку из степи, — и легкое не могли им надыхаться. В сумерки и по ночам, черным и лунным, я одиноко расхаживал там и обалдело дышал...»

Я вполне смирился, что буду жить здесь, но если не «вечно», то... лет двадцать... Весь мир я ощущал не как внешний, не как манящий, а как прожитый, весь внутри меня, и вся задача оставалась — описывать его».

Мир прожит, мир вобран в себя, и тяжкие врата закрылись. И теперь можно было приступить к великой Книге.

Александр АФАНАСЬЕВ.

232